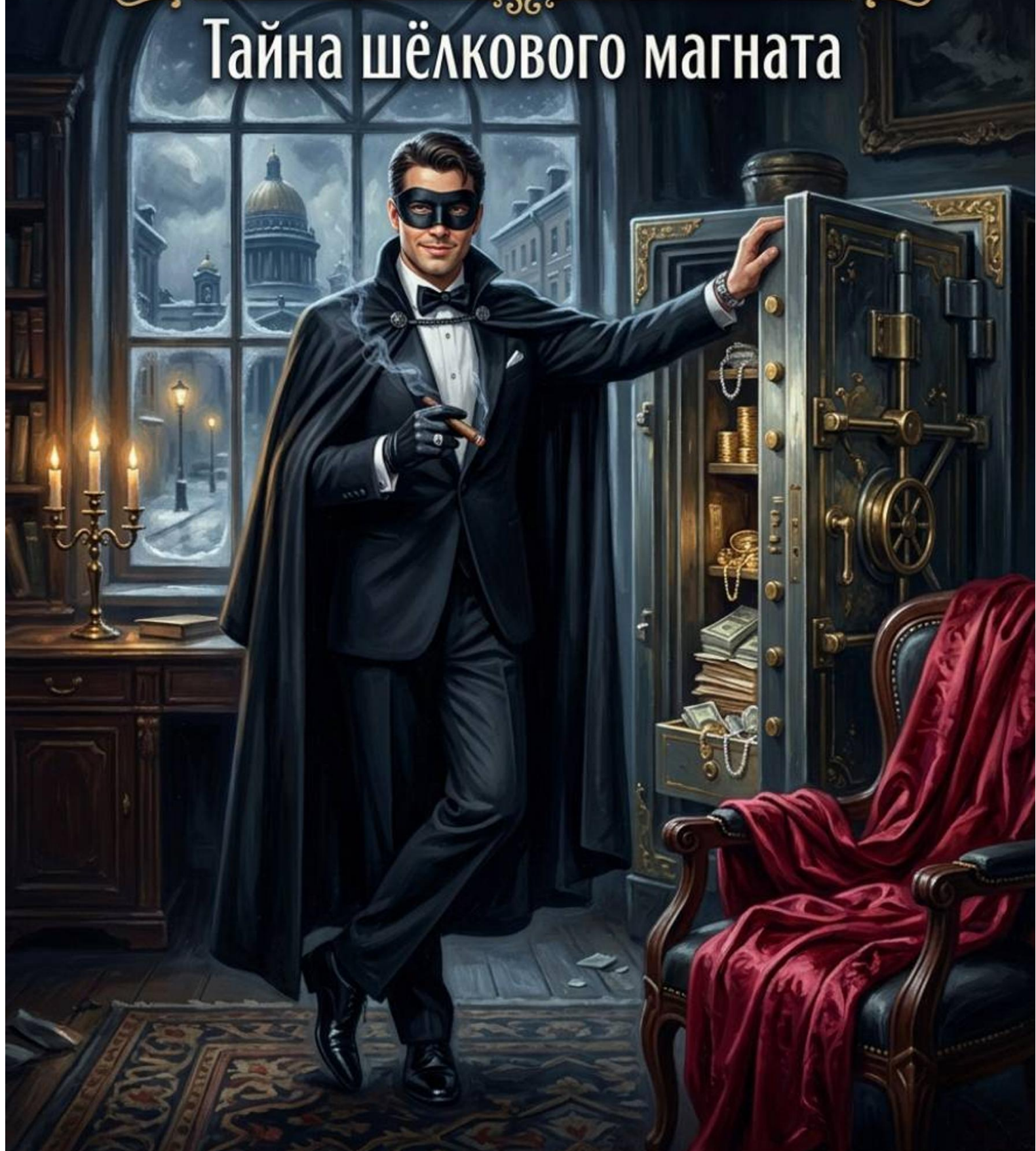

ЮЛИАН ВОРОН

ЧЁРНЫЙ ВАЛЕТ

Тайна шёлкового магната

Граф Огневский: Эстетика правосудия

Юлиан Ворон

**Черный валет. Тайна
шелкового магната**

«Автор»

2026

Ворон Ю.

Чёрный валет. Тайна шелкового магната / Ю. Ворон — «Автор»,
2026 — (Граф Огневский: Эстетика правосудия)

Петербург, 1913 год. Пока полиция сбивается с ног, сейфы самых беспринципных богачей столицы пустеют один за другим. На месте преступления — ни улики, ни отпечатков, лишь карточка с золотым вензелем «Ч.В.». Кто скрывается за маской «Чёрного валета»? Дерзкое ограбление шёлкового фабриканта Барина обрывается спасением невинной души и блестящей партией на шахматной доске петербургского высшего света...

© Ворон Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Тень над Петербургом	5
Глава 2. Паук в шелках	7
Глава 3. Подслушанный приговор	9
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Юлиан Ворон

Черный валет. Тайна шелкового магната

Глава 1. Тень над Петербургом

Утро на Миллионной улице выдалось хмурым, с тем типично петербургским оттенком свинца, который заставляет поэтов писать стихи о тлене, а людей с хорошим вкусом — не вылезать из шелковых халатов до полудня.

Граф Валериан Огневский, бывший дипломат, а ныне — убежденный сибарит, возлежал на оттоманке, лениво потягивая кофе из севрской чашки. На нем был халат цвета бургундского вина, а на лице — выражение той благородной скуки, которая стоит немалых денег и многих поколений породистых предков.

Идиллию нарушил грохот распахиваемой двери. В будуар, едва не сбив антикварную китайскую вазу, влетел Митяй.

Бывший лиговский щипач Дмитрий Вьюн, а ныне личный камердинер графа, был одет в безупречную ливрею, но его восторженно-хулиганская физиономия сводила на нет все усилия портных. В руках он сжимал свежий выпуск «Петербургского листка».

— Ваше сиятельство! Монкузен, так сказать! — завопил Митяй, размахивая газетой. — Вы читали? Ну просто шарман! Обнесли фраера! То есть, пардон, совершенно дерзкое изъятие капиталов!

Огневский поморщился, словно откусил лимон, и изящным жестом потер виски.

— Митяй, друг мой. Я просил вас: либо вы говорите на языке родных осин, либо изъясняетесь по-французски. Но ваш «французский с Лиговки» наносит мне эстетическую травму. И ради бога, не орите. Что там пишет наш неутомимый борзописец Лядов?

Митяй откашлялся, принял театральную позу и зачитал с выражением:

— *«Дерзость, не знающая границ! Тень, скользящая сквозь стены! Прошлой ночью сейф банкира фон дер Палена, оснащенный новейшей берлинской сигнализацией, был вскрыт с пугающей легкостью. Полиция в недоумении: ни следов взлома, ни отпечатков. Исчезли лишь те пачки ассигнаций, которые, по слухам, предназначались для подкупа чиновников. Законные же вклады остались нетронутыми! На месте сыщики обнаружили лишь визитную карточку из плотного картона с лаконичным вензелем "Ч.В." — Чёрный Валет!»*

Митяй опустил газету и посмотрел на графа сияющими глазами.

— Вы понимаете, ваше сиятельство? Этот Валет обошёл немецкую систему! Сигнализация даже не пискнула! Ну гений же, скажите?

Огневский лениво потянулся за серебряным портсигаром, пряча за ним легкую усмешку.

— Гений? Помилуйте, Митяй. Это чудовищная пошлость. Оставлять визитные карточки на месте преступления — моветон, отдающий бульварными романами. У этого вашего Валета совершенно дурной вкус.

— Но ведь он грабит только кровопийц! — горячо вступился за кумира камердинер. — Фон дер Пален — известный взяточник, из-за него три приюта без дров остались! Этот Валет — наш петербургский Робин Гуд!

— Робин Гуд жил в лесу, носил неприличное зелёное трико и не имел дела с ценными бумагами, — парировал граф, выпуская кольцо ароматного дыма. — А наш герой страдает излишней театральностью. К тому же, по моим сведениям из полицейского управления, он изрядно наследил.

Митяй округлил глаза, забыв про манеры:

— Наследил?! В газете же пишут — чисто сработал!

— Лядов, как всегда, слеп, — философски заметил Валериан. — На персидском ковре в кабинете банкира остался пепел от сигары. Причем весьма дорогой, кубинской. Курить на месте преступления — признак расшатанных нервов или возмутительной самонадеянности. Профессионал сделал бы всё тихо. А этот... дилетант с претензией на богему. Еще немного, и он начнет оставлять в сейфах стихи.

Митяй обиженно засопел. Ему было больно, что его утонченный хозяин не может оценить изящества вора нового века.

— Вы слишком строги, ваше сиятельство. Если он дилетант, почему легавые до сих пор не могут поймать даже тень его фалд?

Огневский отпил кофе. Плечо, правда, слегка ныло — вчера ночью, вскрывая сейф фон дер Палена, ему пришлось провисеть на карнизе минут десять, пережидая патруль. А пепел от сигары он обронил специально — пусть сыскная полиция ищет тучного, нервного чиновника-взяточника, а не подтянутого аристократа.

— Потому что полиция ищет грабителя, Митяй, — наставительно произнес граф. — А искать нужно иллюзиониста. Впрочем, оставим этого Валета в покое. Пусть развлекается. У нас с вами есть дела поважнее.

Огневский кивнул на изящный конверт, лежащий на подносе.

— Завтра благотворительный вечер в Мраморном дворце. Баронесса фон Корс просила меня быть. Полагаю, придется терпеть общество министров и пить кислое шампанское.

Митяй хитро прищурился:

— А баронесса, говорят, бабочка... то есть, дама с характером.

— Баронесса, Митяй, это стихийное бедствие в бриллиантах, — улыбнулся Огневский. — Но именно она помогает мне переводить некоторые... э-э... случайно найденные капиталы на счета сиротских приютов. Так что почистите мой фрак. И будьте готовы: мне почему-то кажется, что в ближайшие дни Петербург подарит нам очередного негодяя, нуждающегося в эстетическом наказании.

Глава 2. Паук в шелках

Контора торгового дома Луки Баринаова на Невском проспекте подавляла посетителей отчаянной, кричащей роскошью. Купец свято верил: если на мебели нет хотя бы трех позолоченных амуров, это верный признак грядущего банкротства.

Сам Лука Потапович был мужчиной грузным, с рыхлым лицом, густо напوماженными усами и глазками-буравчиками, которые никогда не знали жалости. Он сделал состояние на шелковых мануфактурах, ростовщичестве и умении выжимать из людей последние соки.

Этим утром Баринoв был не в духе. Перед ним лежал тот самый номер «Петербургского листка».

— «Вскрыт с пугающей легкостью»... — пробормотал купец, с отвращением отодвигая газету. — Тьфу! Развели в столице романтику. Охрану нанимать надо нормальную, с собаками.

Он грузно поднялся, подошел к стене, откинул тяжелую персидскую портьеру и с любовью погладил холодный металл. Здесь пряталась его главная гордость — исполинский свинцово-серый сейф берлинской фирмы «Карл Кестнер». Монолитный зверь весом в полторы тонны, с двумя кодовыми лимбами. Внутри лежали не только деньги, но и закладные, тайные векселя и долговые расписки, способные пустить по миру половину столичных кутил.

— Пусть сунется, — ласково сказал сейфу Баринoв. — Обломает зубы твой Валет. Немцы делали.

Он нажал кнопку звонка. Вскоре дверь приоткрылась, и вошла Анна Власова.

Она работала машинсткой. Строгая темная юбка, белая блузка без украшений, изящный, но уставший профиль. Пальцы Анны были слегка испачканы мастикой от ленты «Ундервуда», но держалась она так, словно пришла на прием к императору.

— Вызывали, Лука Потапович? — спросила она ровным голосом.

Баринoв маслянисто улыбнулся. Эта гордая, нищая девчонка работала у него всего месяц, но уже стала навязчивой идеей. Баринoв привык покупать всё, а то, что не продавалось — ломать.

— Вызывал, Анечка, вызывал, — проворковал он, надвигаясь на неё. От него разило коньяком и тяжелым цветочным одеколоном. — Смотрю я на вас, голубушка, и сердце кровью обливается. Бледненькая. А ведь такие ручки созданы для браслетов, а не для чернил.

Анна сделала незаметный, но твердый шаг назад.

— Благодарю за заботу, но на здоровье не жалеюсь. Если есть текст для перепечатки, я готова приступить.

— Текст... Вздор! — купец махнул рукой, преграждая ей путь к двери. — Я вам дело предлагаю. Что вы в этой конторе пыль глотаете? Я ведь квартиру на Литейном присмотрел. Мебель красного дерева, прислуга. Шелка — заказывай прямо с моей фабрики!

— Вы забываетесь, — Анна подняла подбородок. Её голос стал ледяным. — Я нанималась машинсткой. Моя честь не продается ни за шелка, ни за квартиры на Литейном.

Улыбка мгновенно исчезла с лица Баринаова. Купеческий лоск слетел, оставив лишь паука, которому порвали паутину.

— Честь? — прошипел он, надвигаясь так близко, что Анна почувствовала запах его дыхания. — Гордая? Да кому твоя честь нужна, если тебе за квартиру платить нечем? Я навoдил справки, Власова. У тебя мать больная и долгов в лавочке на два месяца вперед.

Анна побледнела. Тот факт, что этот человек копался в её жизни, вызывал брезгливую тошноту.

— Я здесь право! — рявкнул Баринoв, ударив кулаком по столу так, что золотые амурь звякнули. — И я таких, как ты, в бараний рог гнул!

Он тяжело задышал и вдруг понизил голос до пугающего шепота:

— У меня в конторе вчера векселя пропали. На десять тысяч рублей. А доступ к бумагам был только у управляющего и у тебя.

Глаза Анны расширились от ужаса.

— Это ложь! Я ничего не брала!

— Я-то знаю, — Баринов криво усмехнулся. — А вот околоточный не знает. И если эти векселя вдруг найдутся... скажем, в твоей сумочке? Что тогда скажет закон? Десять лет каторги, Анечка. Сибирь.

Девушка прижала руки к груди. Паук сплел свою сеть безупречно.

— Вы чудовище...

— Я деловой человек, — самодовольно поправил купец. — Даю тебе сутки. Завтра к вечеру ты либо придешь ко мне за ключами от квартиры и будешь шелковой, либо за тобой придет полиция. Ступай. И напечатай договор. Аккуратно.

Анна выбежала из кабинета, едва сдерживая слезы. Баринов подошел к зеркалу и довольно хмыкнул. Он обожал чувство абсолютной власти.

Глава 3. Подслушанный приговор

Митяй ненавидел купеческие конторы, но поручение графа — забрать заказанную партию редкого табака у контрабандистов, чья лавка соседствовала с офисом Барина, — привело его именно сюда. Срезая путь через черный ход здания, ловкий камердинер случайно забрел в приёмную торгового дома «Лука Барин и Ко».

Приёмная казалась пустой, если не считать бледной девушки за пишущей машинкой. Митяй, не желая привлекать внимания, юркнул за раскидистую пальму в кадке, намереваясь тихо прошмыгнуть к выходу.

Но тут дверь кабинета приоткрылась. Показалась массивная фигура Барина. Купец не заметил шуплого парня за пальмой.

— Анна Дмитриевна, — ележным голосом позвал он. — Спуститесь в архив. Принесите мне гроссбухи по поставкам.

— Хорошо, Лука Потапович, — девушка встала и вышла в коридор. Её потертый ридикюль остался лежать на стуле.

Как только её шаги стихли, произошло то, от чего Митяй перестал дышать. Барин с пугающей проворностью метнулся к столу машинистки, достал из кармана сюртука плотный белый конверт и сунул его в ридикюль девушки. Затем так же бесшумно отступил к дверям своего кабинета.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.